

Фёдор Буслаев

Сочинения

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Б92

Б92 **Буслаев Ф.И.**
Сочинения: Том 1 / Фёдор Буслаев – М.: Книга по Требованию, 2026. –
562 с.

ISBN 978-5-4241-7031-7

Сочинения по археологии и истории искусства.

ISBN 978-5-4241-7031-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изданіе сочиненій покойнаго академика Ѳ. И. Буслаева, предпринятое Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности, открывается трудами незабвеннаго ученаго по русской археологіи и исторіи искусства, хотя эти труды, въ его научной дѣятельности стояли несомнѣнно на второмъ планѣ. Но въ то время, какъ ученые труды покойнаго по русскому языку и словесности стали уже съ давнихъ поръ общимъ достояніемъ и явились въ нѣсколькихъ изданіяхъ, перепечаткахъ, учебникахъ и руководствахъ, археологическія сочиненія Буслаева незаслуженно остаются въ полной неизвѣстности, по крайней мѣрѣ, для большой публики. Сочиненія эти, изданныя въ специальныхъ журналахъ и сборникахъ, а также и въ общихъ журналахъ, не перепечатанныя впоследствии, досегѣ продолжаютъ быть извѣстными только специалистамъ, высоко цѣнящимъ ихъ достоинства. Между тѣмъ, сочиненія эти въ значительномъ большинствѣ могутъ служить научнымъ и эстетическимъ руководствомъ для начинающаго интересоваться этой областью знанія и если утратили частью свое специально-научное значеніе, вслѣдствіе появленія ряда новыхъ изслѣдованій и работъ, то всегда будутъ представлять великолѣпную пропедевтику художественно-историческаго характера, которою могла бы гордиться всякая западная литература. Именно на этихъ работахъ легъ свѣтлый отпечатокъ тѣхъ радужныхъ впечатлѣній, «вечныхъ радостей, пикогда прежде неиспытанныхъ наслажденій и захватывающихъ духъ поразительныхъ интересовъ», которыя, по его собственнымъ словамъ («Мои Воспоминанія») «нескончаемой вереницей» открылись передъ нимъ, еще юношей, во время его двухлѣтняго заграничнаго путешествія въ 1839 и 1840 годахъ. Художественно-историческіе взгляды Буслаева воспитались на классическихъ древностяхъ, на руководящихъ сочиненіяхъ

Винкельмана, въ области христіанскаго искусства, на работахъ и изданіяхъ Дидрона, Шнаазе, Ріо, Комова, Румора, Ф. Пипера, Куглера и Лабарта. Его заграничное путешествіе въ 1864, 1870 и 1880 годахъ, съ продолжительными и внимательными осмотрами музеевъ и церквей, дало живое основаніе его знакомству съ различными стилями. Буслаевъ рано пристрастился къ собиранію гравюръ и лицевыхъ рукописей и хотя исходилъ въ своихъ интересахъ къ исторической древности и старинѣ, отъ литературы, поэзіи и историческаго изученія языка, однако же, зналъ область вещественной археологіи по самымъ памятникамъ и постоянно имѣлъ передъ глазами нѣкоторые ихъ оригиналы, въ области, наиболѣе его интересовавшей. Съ обычной остротою взгляда онъ сумѣлъ изучить древне-христіанское искусство, въ его исторической реальности въ Римѣ, романскую эпоху въ Нюрнбергѣ, Регенсбургѣ и Бамбергѣ, готику въ Шартрѣ и ренессансъ во Флоренціи. И если свои художественныя характеристики онъ еще строилъ на личномъ эстетическомъ впечатлѣніи, то умѣлъ представить это эстетическое воззрѣніе въ средѣ общаго историческаго интереса и создаваемые имъ идеалы опредѣлить при помощи историческихъ типовъ. Не имѣя возможности стать историкомъ искусства, Буслаевъ оставался въ области археологіи, сосредоточиваясь исключительно на содержаніи художественныхъ произведеній и останавливаясь тамъ, гдѣ изслѣдованіе вопросовъ формы, ея образованія, развитія, мѣстныхъ стилей, требовали бы отъ него сложной исторической критики и спеціальныхъ работъ. Искусство древне-христіанское представляется поэтому въ сочиненіяхъ Буслаева столь же цѣльнымъ и нерасчлененнымъ историческимъ отдѣломъ, какъ и искусство византійское, являющееся для него цѣльнымъ организмомъ, вполне самодовлѣющимъ. Съ этой точки зрѣнія памятники древне-христіанскаго и византійскаго искусства становятся для него опредѣленнымъ образцомъ, при помощи котораго онъ изслѣдуетъ произведенія искусства древне-русскаго, и въ этомъ образцѣ онъ видитъ условно всѣ свойства цѣлаго, къ которому онъ принадлежитъ.

Съ этой точки зрѣнія пользованіе, для анализа русскихъ памятниковъ, византійскимъ образцомъ, какъ нѣкоторымъ канономъ, являлось для Буслаева такимъ незамѣнимымъ удобствомъ, что заставляло его заранѣе отказываться отъ всякаго историческаго разбора этого самаго образца и всякаго изслѣдованія его собственныхъ источниковъ и его исторической формации, а отсюда относительнаго значенія самаго его содержанія и представляемыхъ имъ формъ. Отсюда, затѣмъ, и самые его взгляды на искусство романское и средневѣковое вообще не шли далѣе установки художественнаго типа, съ помощью котораго оцѣнивалось произведеніе русской старины.

Такимъ образомъ, не вдаваясь въ задачи спеціалиста по исторіи искусства, Буслаевъ счужлъ свое живое, такъ сказать, наглядное пониманіе памятниковъ средневѣковаго искусства вообще приложить къ русской исторической археологіи, а эта область и познаніе русской древности и русской народной старины была съ самаго начала и осталась до конца его главной задачей. Буслаевъ былъ въ средѣ русскихъ ученыхъ не только европейскимъ ученымъ по преимуществу, но, въ своемъ родѣ, наиболѣе счастливо сложившимся мыслителемъ и писателемъ. Во всѣхъ его сочиненіяхъ, какъ и при жизни своей, во всей своей дѣятельности—Буслаевъ былъ человѣкомъ воспитаннаго вкуса, вѣрной и постоянной мѣры. Припоминая наши бесѣды съ нимъ и то, какъ современники его мало были подготовлены къ созрѣванію основного характера его научной дѣятельности, понимаешь, что его постоянная забота опредѣлить, точнѣе ограничить, выяснить, хотя бы съ ущербомъ для историческаго горизонта, свою задачу—могла казаться привычкою узкаго спеціалиста и была въ явномъ, повидимому, противорѣчіи съ его переходами отъ русскихъ духовныхъ стиховъ къ Божественной Комедіи Данта. Въ настоящес время, обозрѣвая оставленныя имъ археологическія работы, нельзя достаточно надивиться необыкновенной ясности и точности его ума, а, главное, тому чувству мѣры, съ какимъ онъ работалъ въ отдѣлахъ, ему спеціально не знакомыхъ, и съ какимъ искусствомъ онъ умѣлъ ими пользоваться для построенія фундаментовъ русской археологической науки. Предлагая нынѣ почитателямъ Буслаева возобновить въ памяти своей имъ излюбленныя темы и рассмотреть характеры византійскаго, романскаго и готическаго періодовъ, можно быть заранѣе увѣреннымъ въ томъ, что именно эта указанная сторона въ ученой работѣ и литературномъ изложеніи Буслаева явится наиболѣе выгодной и свѣтлой.

Посвятивъ нѣсколько благодарныхъ строкъ памяти знаменитаго русскаго ученаго и своего незабвеннаго учителя, мы должны сдѣлать въ заключеніе нѣсколько редакторскихъ объясненій и замѣчаній, до извѣстной степени вытекающихъ изъ всего вышесказаннаго, но также вызванныхъ нѣкоторыми случайными обстоятельствами. Главная задача редакціи заключалась въ возможно строгой и близкой перепечаткѣ сочиненій Буслаева, не касаясь не только текста, но даже, по возможности, и его ореографіи. Лишь въ двухъ, трехъ случаяхъ, гдѣ текстъ Буслаева сообщалъ невѣрную, впоследствии исправленную или завѣдомо неточную дату, позволяли мы себѣ измѣнить ее, коль скоро этимъ не нарушалась связь съ дальнѣйшимъ текстомъ. Такъ измѣнена была датировка мозаикъ въ храмѣ Софіи Солунской, св. Оеодора въ Римѣ и базилики св. Амвросія въ Милагѣ. Согласно съ тѣмъ, сохранены и всѣ цитаты и ссылки, за исключеніемъ нѣкоторыхъ

ссылку на «Историческіе очерки», коль скоро эти ссылки касались описанных тамъ памятниковъ, такъ какъ «Историческіе Очерки» предполагено перепечатать цѣликомъ, и сохранять цитаты въ данномъ случаѣ было бы излишнимъ ригоризмомъ. По возможности, сохранены также и самыя снимки памятниковъ въ рисункахъ, сообщенныхъ самимъ Буслаевымъ. Понятно, что нныя наброски гораздо болѣе отвѣчаютъ мыслямъ сочиненія, чѣмъ большіе и точные снимки. Но, если, напримѣръ (къ стр. 52), опущенъ совершенно рисунокъ мозаическаго изображенія Б. М. въ капеллѣ св. Венанція въ Латеранскомъ баптистеріи, то это сдѣлано потому, что рисунокъ этотъ невѣренъ, а фотографическаго снимка съ фигуры Б. М., нынѣ полузакрытой алтарнымъ киворіемъ, не существуетъ. Что касается, наконецъ, порядка слѣдованія отдѣльныхъ археологическихъ трактатовъ и статей Ѳ. И. Буслаева, то, согласно желанію всѣхъ членовъ Отдѣленія, было рѣшено въ принципѣ соблюдать, по возможности, группировку систематическую, коль скоро она была дана самимъ авторомъ. Такъ рѣшено было соблюсти, по возможности, группировку «Историческихъ очерковъ» и перепечатать ихъ въ двухъ отдѣльныхъ томахъ. Сообразуясь съ подобными же обстоятельствами, редакція сохранила группировку статей въ «Сборникѣ Общества древне-русскаго искусства» помѣстивъ ихъ при этомъ, какъ общеруководящія трактаты, въ началѣ пышнѣ представляемаго тома; слѣдующія затѣмъ статьи расположены въ обычномъ хронологическомъ порядкѣ.

Н. Кондаковъ.

ОБЩІЯ ПОНЯТІЯ

О

русской иконописи.

Статья, предлагаемая читателю подъ этимъ заглавіемъ, имѣеть двоякую цѣль: во-первыхъ, объяснить главнѣйшія особенности русской иконописи, которыя одинаково стали непонятны въ наше время и для тѣхъ, кто привыкъ смотрѣть на этотъ предметъ съ точки зрѣнія поздняго западнаго искусства, и для тѣхъ, кто, ограничивая смыслъ иконы ея церковнымъ назначеніемъ, находитъ неумѣстнымъ подвергать ее историческому и эстетическому разбору; и во-вторыхъ—обратить вниманіе интересующихся русскою иконописью на тѣ данныя въ обширномъ кругу христіанскаго искусства вообще, которыя состоятъ съ нею въ связи, и знакомство съ которыми необходимо для составленія о ней яснаго и отчетливаго понятія. Для того принять путь сравнительнаго изслѣдованія, въ которомъ наша иконопись должна занять свое мѣсто между соотвѣтствующими ей явленіями въ исторіи христіанскаго искусства, какъ восточнаго, такъ и западнаго, и опредѣлить свое отношеніе къ послѣднему. Къ памятникамъ древне-христіанскимъ она отнесется, какъ къ своимъ источникамъ, а къ искусству западному, позднѣйшему, какъ явленіе столько же, какъ и оно, самостоятельное, и заслуживающее такого же уваженія по отношенію къ выражаемымъ ею по-

требностямъ исторической жизни. Отдавая справедливость достоинствамъ и западнаго и русскаго искусства, и находя недостатки въ томъ и другомъ, безпристрастная критика должна будетъ придти къ тому результату, что объ эти половины въ художественномъ развитіи христіянскихъ народовъ восполняютъ одна другую, составляя гармоническое цѣлое только въ общей картинѣ исторіи искусства. Если такой взглядъ будетъ достаточно выясненъ въ этой статьѣ, то онъ въ одинаковой мѣрѣ можетъ принести пользу, и въ теоретическомъ, и въ практическомъ отношеніи, которое еще не утратило въ нашемъ отечествѣ своей силы, потому что иконописи принадлежитъ не къ прошедшимъ только, но и къ современнымъ интересамъ русской народности. Въ отношеніи теоретическомъ изученіе русскаго искусства, по преимуществу сосредоточившагося въ иконописи, будетъ введено въ общую систему исторіи христіянскаго искусства, въ которой оно получить себѣ ясное опредѣленіе; въ отношеніи практическомъ производство иконописи расширить свои средства пособиями, предлагаемыми сравнительно-историческимъ изученіемъ этого предмета.

I. Сравнительный взглядъ на исторію искусства въ Россіи и на Западѣ.

Главнѣйшее свойство русской иконописи состоитъ въ ея религіозномъ характерѣ, исключаящемъ собою всѣ другіе интересы, или надъ ними вполне господствующемъ и всѣ ихъ въ себѣ поглощающемъ. И у другихъ народовъ церковное искусство стояло на этой же ступени религіознаго чествованія, но только въ самую раннюю, первобытную эпоху; тогда какъ у русскихъ это первобытное отношеніе къ предметамъ церковнаго искусства, какъ къ святынямъ, проходитъ черезъ всѣ вѣка нашей исторіи, господствуетъ еще въ XVI и въ XVII столѣтіяхъ одинаково во всѣхъ сословіяхъ, и даже въ позднѣйшее время составляетъ заветную національную принадлежность огромнаго большинства русскаго населенія.

Причиною такого многозначительнаго явленія русской жизни были мѣстныя и историческія условія, задерживавшія христіанское просвѣщеніе Руси при раннихъ его начаткахъ. Во-первыхъ, малочисленность народонаселенія, размѣстившагося на обширныхъ пространствахъ и раздѣленнаго лѣсами, болотами и другими преградами на группы, которыя, за отсутствіемъ путей сообщенія, съ трудомъ могли между собою сносятся. Отсюда, во-вторыхъ, медленное распространеніе начатковъ политической и религіозной цивилизаціи. Слѣдовательно, въ третьихъ, крайняя бѣдность въ средствахъ для развитія художествъ, для которыхъ необходимымъ условіемъ бываетъ значительная степень въ успѣхахъ общественности, науки и вообще удобствъ жизни. Немногіе города, съ своими каменными церквами, украшенными иконописью и скульптурными прилѣпами, каковы Кіевъ, Ростовъ, Смоленскъ, Новгородъ, Псковъ, Владимиръ, Москва, были въ продолженіе столѣтій счастливыми оазисами, разбросанными на необозримомъ пространствѣ между непроходимой глушью. Но и въ этихъ мѣстностяхъ, за трудностью сообщенія съ Византією и съ Западомъ, и при крайней неразвитости умственныхъ интересовъ, искусство должно было оставаться на низшей степени своей техники. Для нашихъ предковъ было немислимо интересоваться искусствомъ ради искусства, точно такъ же какъ и наукою и литературою ради умственнаго досуга, когда самая жизнь требовала болѣе тяжкихъ и важнѣйшихъ трудовъ. Надобно было въ одно и то же время создавать государственную жизнь изъ разрозненныхъ массъ населенія и проводить въ нихъ первыя начала христіанскихъ понятій, обращать ихъ въ христіанскую вѣру. Такъ было не только въ XI или XII столѣтіяхъ, но даже

въ XV, XVI и въ XVII-мъ, о чемъ достовѣрныя свѣдѣнія сообщаютъ намъ житія позднѣйшихъ русскихъ святыхъ, которые пролагали первые пути по непроходимымъ дебрямъ и въ основанныхъ ими монастыряхъ учреждали первыя средоточія начатковъ просвѣщенія въ необитаемыхъ дотолѣ пустыняхъ.

При недостаткѣ мѣстныхъ условій къ развитію, пачатки христіанскаго просвѣщенія, въ продолженіе вѣковъ, могли только географически распространяться, оставаясь въ своей первобытности. Церковное искусство отъ XI до XV вѣка включительно оставалось на Руси почти на одинаковой степени совершенства, только оно все больше и больше распространялось по Россіи, украшая храмами новые города, которые современемъ становились значительными въ политическомъ отношеніи. Московское церковное искусство XIV и XV столѣтій въ архитектурѣ, иконописи, въ рѣзбѣ, чеканномъ дѣлѣ и прилѣпахъ, не стало лучше искусства Владиміро-Суздальскаго XII и XIII столѣтій, а это послѣднее не было шагомъ впередъ противъ церковнаго искусства памятниковъ Новгородскихъ и Кіевскихъ XI столѣтія. Въ теченіи этихъ четырехъ столѣтій (отъ XI до XV включительно) искусство на Руси имѣло характеръ преимущественно Византійскій. Сначала церковными зодчими, иконописцами и мусійныхъ дѣлъ мастерами были только выходцы изъ Греціи, Греки и родственные намъ Славяне, потомъ немногіе ученики ихъ изъ Русскихъ. Церковная утварь, оклады на образа и евангелія привозились изъ Греціи или дѣлались на Руси греческими мастерами и ихъ учениками изъ Русскихъ. При отсутствіи всякихъ иныхъ вліяній для умственного и художественнаго развитія, русскіе мастера должны были довольствоваться только византійскими образцами, которые впрочемъ не могли быть ни многочисленны, ни высокаго въ художественномъ отношеніи достоинства, потому что и само искусство византійское съ XI вѣка уже стало клониться къ упадку, да и наши предки въ простотѣ своихъ нравовъ могли удовлетворяться немногимъ, полученнымъ ими изъ Византіи. Русскіе подражатели чужимъ мастерамъ и самоучки, ограничиваясь немногими византійскими образцами, за недостаткомъ образовательныхъ средствъ и технического умѣнья, только искажали и безобразили наслѣдованный ими изъ Византіи стиль.

Искаженіе древне-христіанскаго и византійскаго стилей средневѣковыми варварами, извѣстное подъ названіемъ стиля Романскаго, было общимъ явленіемъ во всей Европѣ: на Западѣ оно продолжается до XII вѣка включительно; въ Россіи, младшей по цивилизаціи и лишенной античныхъ, классическихъ преданій — включительно до XV-го. Когда на западѣ въ XIII вѣкѣ возникаютъ великолѣпнѣйшіе памятники церковнаго искусства въ готическихъ храмахъ, украшенныхъ сотнями скульптурныхъ фигуръ, въ

которыхъ благочестивые мастера умѣли соединить глубокое религиозное чувство съ любовью къ природѣ, когда архитектура, будто въ вдохновенномъ порывѣ къ небу, устремляя къ облакамъ свои остроконечные арки и длинные шпицы, служить видимымъ символомъ христіанской молитвы, обращающей умственные взоры горѣ, и своимъ повсемѣстнымъ развитіемъ подготавливаетъ благочестивую эпоху великихъ скульпторовъ и живописцевъ XIV и XV столѣтій, — въ то время на Руси церковное искусство, остановленное въ своемъ развитіи татарскими погромами въ Кіевѣ, ищетъ себѣ, черезъ Владиміръ и Ростовъ, новаго пріюта въ начинающей господствовать Москвѣ. По разореніи Кіева, Новгородъ сталъ представителемъ на Руси византійскаго стиля; потому древнѣйшею изъ русскихъ школъ почитаютъ Новгородскую, характеризуя ее византійскимъ вліяніемъ. Сношенія съ нѣмцами оживляютъ общественную жизнь въ Псковѣ и Новгородѣ и даютъ толчекъ въ развитіи умственномъ, ремесленномъ и художественномъ. Вліяніе запада на искусство въ Новгородѣ исторически можно прослѣдить даже отъ XII-го вѣка ¹⁾, но оно не могло заглушить начатки византійскаго стиля, какъ потому что не было оно систематическое и постоянное, такъ и потому, что ни западныя издѣлія, привозимыя въ Новгородъ, ни заѣзжіе нѣмецкіе художники не могли дать особенно изящныхъ образцовъ, подражаніе которымъ дало бы новое направленіе русскому искусству, по той причинѣ, что самыя мѣстности на Западѣ, съ которыми сносился Новгородъ, не отличались значительными успѣхами въ искусствѣ ²⁾. Все же за Новгородомъ и Псковомъ остается неоспоримая честь сохраненія и нѣкотораго самостоятельнаго воздѣлыванія русскаго церковнаго искусства въ эпоху, когда въ Кіевѣ прекратилось всякое историческое движеніе, а Москва, занятая интересами политическаго преобладанія, не имѣла ни времени, ни средствъ для умственного, литературнаго и художественнаго развитія. Крайній недостатокъ техническаго умѣнья въ Москвѣ явствуетъ изъ того, что лучшія постройки XV и XVI вѣка были сооружаемы въ ней иностранными зодчими, особенно Итальянцами, а расписывались Псковскими и Новгородскими иконописцами.

Самыя судьбы русской исторіи до половины XVI столѣтія сложились такъ, чтобы способствовать больше косненію, нежели усовершенствованію искусства. Кіевъ, Ростовъ, Суздаль, Владиміръ такъ недолго пользовались своимъ историческимъ значеніемъ, что успѣли выработать въ своихъ стѣ-

1) Основываясь на преданіи о сосудахъ Антонія Римлянина, будто бы прибывшихъ изъ Рима, вѣроятнѣе, нѣмецкой работы.

2) Чему доказательствомъ служатъ такъ называемыя Корсунскія врата Новгородскаго Софійскаго собора, дѣланныя въ Магдебургѣ, при епископѣ Визманнѣ († 1192 г.), или же позднѣе начала XIII в. Adelung, Die Korssunisch. Thüren. стр. 101.

нахъ только самыя первыя начатки христіанской цивилизаціи. Псковъ и Новгородъ лишались своей самостоятельности въ половинѣ XVI столѣтія, именно въ ту пору, когда, на основахъ византійскихъ преданій, подъ благотворными вліяніями, своеземными и иностранными, могли бы развитъ свое самостоятельное искусство. Москва въ XVI столѣтіи должна была художественную дѣятельность на Руси начинать снова, то есть, воротиться къ той первоначальной степени, на которой искусство стояло въ Кіевѣ и Новгородѣ еще въ XI и XII столѣтіяхъ. Это возвращеніе къ старинѣ давало особенную цѣну художественно-религіознымъ преданьямъ, достоинство которыхъ опредѣлялось дѣйствительнымъ или мнимымъ происхожденіемъ византійскимъ или курсунскимъ. Въ произведеніяхъ мастеровъ XVI вѣка цѣнилось не то, до чего дошли они сами и въ чемъ выразили свои личныя способности, свое артистическое умѣнье и свои идеи, а то, въ чемъ они ближе подошли къ старинѣ, жертвуя своей личностью вѣрности преданія. Икона предназначалась для молитвы, и такъ же, какъ молитва, не должна была она подвергаться измѣненію по личному произволу; отъ иконы требовали не новыхъ совершенствъ, а воспроизведенія древности, какъ того идеала, на которомъ основывается авторитетъ церкви.

Впрочемъ, исторія не прошла безплодно для нашихъ предковъ XVI вѣка. Грамотные люди того времени знали почти то же, что и ихъ отдаленные предшественники XII или XIV вѣка, и съ удовольствіемъ перечитывали сборники и другія писанія этихъ раннихъ эпохъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что число грамотниковъ все болѣе и болѣе возрастало. Точно также и въ дѣлѣ искусства. Въ Москвѣ XVI вѣка оно не стало лучше того, какъ за нѣсколько столѣтій передъ тѣмъ заявило оно себя въ украшеніи церквей мозаиками и стѣнною живописью въ Кіевѣ, Владимірѣ и Новгородѣ; но по требованію времени, число мастеровъ значительно возросло; искусство отъ Грековъ и ихъ непосредственныхъ учениковъ, преимущественно монаховъ и церковнослужителей, перешло въ руки людей свѣтскихъ, поселянъ и горожанъ, между которыми къ половинѣ XVI вѣка такъ сильно распространилось оно, что сдѣлалось предметомъ ремесленного производства значительнаго класса рабочихъ, которымъ, какъ бы самостоятельному цеху, потребовалось дать особую организацію, а церковное искусство предохранить отъ порчи, неминуемо послѣдовавшей за распространеніемъ его производства между массами простаго народа.

Объ этомъ знаменательномъ фактѣ въ исторіи русскаго просвѣщенія свидѣтельствуетъ Стоглавъ въ 43 главѣ, важное значеніе которой для иконописи такъ высоко цѣнилось нашими предками, что выписки изъ нея постоянно помѣщались въ видѣ предисловія къ иконописнымъ подлинникамъ